

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

The logo features the word "РЕВОЛЮЦИЯ" (Revolution) in a bold, sans-serif font, rotated 45 degrees counter-clockwise. Below it, the word "КУЛЬТУРНАЯ" (Cultural) is written in a similar bold, sans-serif font, oriented horizontally. The text is set against a background of three stylized lightning bolts that radiate from a central point above the word "РЕВОЛЮЦИЯ".

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений
в тринадцати томах

Редакционный совет
*П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман,
В. А. Подорога, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
В. С. Стёпин, И. А. Эбанюидзе*

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений

Седьмой том

*Черновики
и наброски
1869–1873 гг.*

Перевод с немецкого
А.И. Жеребина

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2007

ББК 87.3 Герм
Н70

Перевод А.И. Жеребин
Научное редактирование В.А. Подорога
Оформление И. Бернштейн
Подготовка примечаний А.А. Карельский

Ницше, Фридрих.

Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005—

Т.7: Черновики и наброски 1869–1873 гг. / Пер. с нем. А.И. Жеребина; науч. ред. В.А. Подорога.— 2007.— 720 с.— ISBN 5–250–06002–1.

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание рабочих тетрадей Ницше 1869–1873 гг., в том числе наброски к «Рождению трагедии» и «Несвоевременным размышлениям», прозаические и драматические опыты Ницше, его дневниковые записи времен франко-прусской войны. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари (Kritische Studienausgabe) и включает в себя с 1-й по 31-ю группы 7-го тома этого издания.

На русском языке издается впервые.

© Культурная Революция. 2007

© В.А. Подорога. Редакция перевода, 2007

© И. Бернштейн. Оформление, 2007

Содержание

7	Черновики и наброски 1869—1873 гг.	
	1. Осень 1869	9
	2. Зима 1869—1870 — весна 1870	43
	3. Зима 1869—70 — весна 1870	55
	4. Август—сентябрь 1870	83
	5. Сентябрь 1870 — январь 1871	89
	6. Конец 1870	121
	7. Конец 1870 — апрель 1871	129
	8. Зима 1870—1871 — осень 1872	203
	9. 1871	247
	10. Начало 1871	303
	11. Февраль 1871	319
	12. Февраль 1871	325
	13. Весна—осень 1871	335
	14. Весна 1871 — начало 1872	339
	15. Июль 1871	351
	16. Лето 1871 — весна 1872	355
	17. Сентябрь—октябрь 1871	369
	18. Конец 1871 — весна 1872	373

19. Лето 1872 — начало 1873	379
20. Лето 1872	471
21. Лето 1872 — начало 1873	473
22. Сентябрь 1872	481
23. Зима 1872–1873	485
24. Зима 1872–1873	505
25. Зима 1872–1873	509
26. Весна 1873	515
27. Весна–осень 1873	531
28. Весна–осень 1873	555
29. Лето–осень 1873	561
30. Осень 1873 — зима 1873–1874	655
31. Осень 1873 — зима 1873–1874	675

681 Примечания

Черновики и наброски

1869–1873 гг.

30. Осень 1873 — зима 1873—1874

30 [1]

О пользе и вреде
истории.

30 [2]

1

Стадо животных пасется невдалеке от человека: животные не знают, что было вчера и что есть сегодня, скачут, жуют траву, отдыхают, переваривают пищу, снова скачут, и так с утра до вечера и изо дня в день, на короткой привязи со всеми их довольством и страданиями, а именно привязанные к столбу мгновения, но этим не обиженные и на это не досадующие. Видеть это человеку тяжело, поскольку он считает себя выше животных и все же завидует их счастью, ибо он хочет того же — не знать ни печали, ни пресыщения, как не знают их животные, но хочет он этого напрасно и не имеет никакой надежды.

Ах, как же я тебе завидую!

Не потому только, что ты, кажется, свободен

Почти от всех страданий.

Что ты в мгновение ока забываешь

Боль, и утраты, и страх.

Но больше всего потому,

Что тебя никогда не мучает пресыщение!

Мы вздыхаем и жалуемся, что никогда не избавимся нам от груза прошлого и мы всегда будем нести на себе его цепи. В то время как животные кажутся нам счастливыми, потому что им не знакомо пресыщение, они тотчас же забывают, и каждое пережитое мгновение умирает в них, погружаясь в туман и ночь. Оно растворяется в настоящем, как целое число растворяется в другом числе, не оставляя никаких дроби, оно является целиком и полностью тем, что оно и есть в каждый данный момент, не

ведая актерства и намеренного сокрытия самого себя. Мы же, напротив, все страдаем от темных и нерастворимых осадков прошлого и всегда не таковы, какими кажемся: вот почему нас, как воспоминание об утраченном рае, волнует зрелище пасущегося стада или зрелище ребенка, который поблизости от нас в таком кратком и блаженном неведении играет между воротами прошлого и воротами будущего. И кому же придет в голову помешать его игре, отнять у него способность к забвению! Мы ведь знаем, что со словом «было» начинается борьба и страдание, и мы вступаем в жизнь, которая представляет собой не знающий завершения Imperfectum. Когда же смерть приносит наконец желанное забвение, то она похищает у нас одновременно и настоящее, и саму жизнь, накладывая свою печать на ту истину, что наше существование есть непрерывный уход в прошлое, вечный Imperfectum, т.е. вещь, которая постоянно противоречит самой себе, себя отрицает и пожирает.

Мы *должны*, следовательно, рассматривать прошлое, претерпевать его — такова наша человеческая судьба. Под этим тяжким ярмом нам приходится становиться твердыми; и если кто-то станет очень твердым, то, возможно, он возвысится до того, что будет даже воспевать человеческую судьбу именно потому, что прошлое в нас не умирает и, подобно введенной в организм капле чужой крови, увлекает нас все дальше, вверх по лестнице, ведущей к тому, что люди называют великим, удивительным, бессмертным, божественным.

Рассматривая прошлое, мы по крайней мере можем выбрать между двумя различными способами, которые я для ясности хотел бы обозначить как *исторический* и *неисторический*. Не следует только думать, что за названием первого скрывается похвала, а за названием второго — порицание. Думать так означало бы смешение неисторического способа с дурно понятым историческим, когда исторический взгляд на вещи страдает незрелостью или искажениями. Нет, он есть *sui generis*¹ и *sui iuris*² и имеет

1 Особого рода (*лат.*).

2 Собственного права (*лат.*).

не меньшие права, чем способ исторический, несмотря на то, что отдельные времена и народы признают обычно, в зависимости от того, во власти какого из способов находятся они сами, только один из них, второй же считают вообще непонятым и допускают его в лучшем случае в качестве курьеза. Так, нашей современности неисторический способ принципиально чужд, непонятен и потому считается неверным или по крайней мере несколько ненормальным. Спросите самих себя, призывает Дэвид Юм, или кого-нибудь из своих знакомых, хотели бы они еще раз пережить последние 10 или 20 лет своей жизни. Нет! Следующие двадцать будут лучше, скажут они –

«End from the dregs of life hope to receive,
What the first sprightly running could not give»¹.

Те, кто так ответит, – люди исторические; взгляд в прошлое вызывает у них стремление к будущему, воспламеняет в них решимость продолжать жизненную борьбу, зажигает надежду на то, что правильное еще придет, что счастье прячется за той горой, к которой они направляются. Ибо исторические люди верят, что смысл существования заключается в *процессе*, и назад они оглядываются только затем, чтобы, изучив предшествующие стадии процесса, понять настоящее и сильнее желать будущего. Но на тот же вопрос дается иногда и другой ответ: правда, и он сведется в результате, может быть, к тому же «нет!». Мы не хотим пережить эти 10 лет во второй раз. Но чем это обосновать? То будет обоснование не(над)исторического человека, который полагает, что каждый человек и каждое переживание, каждый прожитый день и час позволяют понять, для чего мы вообще живем: мир в каждое отдельное мгновение представляется ему готовым и завершенным. Чему могут научить новые 10 лет такому, чему не смогли научить 10 старых! Заключается ли смысл учения в счастье, в смирении, в добродетели или в раскаянии? В этом неисторические люди никогда не были между собой согласны, но они единодушно приходят к выводу: прошлое и настоящее – это единство и тождество, они

1 См. прим. к 29 [86].

равны друг другу во всем их многообразии и в качестве постоянного существования непреходящих типов представляют собой неподвижное образование, обладающее неизменной ценностью и одинаковым значением. Сотни различных языков соответствуют тем же типически неизменным потребностям человека, так что тот, кто понял бы сущность этих потребностей, не смог бы из всех этих языков извлечь никакого нового знания. Так и неисторический человек освещает своим внутренним светом судьбы всех народов и отдельных личностей, угадывая в своем ясновидении изначальный смысл изменчивых иероглифов и даже уклоняясь от притока все новых знаков: ибо как же может он не пресытиться среди бесконечного потока событий!

У нас такой подход редок и малопривлекателен, ибо в исследовании прошлого мы требуем ненасытности и называем народы, которые живут и, как принято говорить, движутся по пути прогресса с этим стремлением, в положительном смысле «историческими» народами. Мы даже презираем тех, кто мыслит по-иному, напр. индусов, и объясняем себе их подход жарким климатом, присущей им косностью и прежде всего тем, что у них якобы «*ослаблена личность*»; как будто жить и мыслить неисторически — это признак вырождения и стагнации. наших ученых мучает, что они никак не могут справиться с воссозданием истории Индии; они и сами не уверены в выведенной ими по западному образцу системе литературных жанров и сомневаются в отношении наиболее общих положений, напр. в том, является ли такая сильная и развитая философия, как учение Санкхьи, до- или постбуддистской. В отместку за свои сомнения и неудачи они с презрением относятся к этим народам как строптивым, косным и неподвижным. Исторические люди не замечают, насколько они неисторичны, насколько их собственный подход к истории служит не познанию, а жизни. Может быть, индийцы со своей стороны расценивают нашу жадность до истории, нашу оценку исторических народов и людей как западный предрассудок или даже как умственную болезнь. «Разве не так же неисторически, как и мы, — спросят они, — жили все те мужи, которые и у вас сльвут

мудрецами? Или, может быть, Платон не был неисторическим человеком? — если выбрать из всех ваших прославленных греков лишь одного и не опровергать вас примерами целых поколений. И неужели вы всерьез полагаете, что некто, переживший тысячелетие, наполненное историческими событиями, *должен* намного ближе подойти к Богине Мудрости, чем другой, который ничего из этого не пережил? Может быть, именно ваша сегодняшняя манера заниматься историей, ваши к ней требования и есть прежде всего выражение так называемой “ослабленной личности”, по крайней мере нам кажется, что именно в ваших сильных личностях, в великих людях вашей истории чрезвычайно мало этого самого “исторического сознания”, “исторической объективности”, обязательного для вас знания дат, знания великих сражений и народных характеров: едва ли у них была необходимость скрывать такого рода осведомленность, ибо жили-то они среди вас, а не среди нас».

Но предоставим индусам брюзжать сколько захочется; пусть они мудрее, сегодня мы можем порадоваться нехватке у нас мудрости и отдать должное своей склонности к «деятельной жизни и к прогрессу». Ибо речь пойдет о пользе истории, а именно о том, удалось ли нам уже извлечь из нее *всю ту пользу*, которую из нее можно извлечь. Да здравствует наш предрассудок, наш западный интерес к истории! Посмотрим же, прогрессируем ли мы при нашей вере в прогресс, в рамках этих наших «предрассудков», движемся ли мы хотя бы куда-нибудь, где мы еще не были?

Извлечь максимальную пользу из истории мы сможем, однако, только в том случае, если поймем, какой вред может она нам нанести. Известно, что от любой гипертрофированной добродетели можно не только пострадать, но и погибнуть, и потому достоинство истории едва ли будет ущемлено знанием того, что и она может приносить вред, что и от нее можно страдать и можно погибнуть. Следует ли по этой причине остерегаться любой гипертрофированной добродетели? Следует ли отказаться от пользы истории потому, что при ее гипертрофии существует опасность от нее пострадать? Или, быть может, знание о том, что от нее и в ней можно погибнуть, только подстегивает

отважную душу? Не является ли, наконец, целью всякого героизма, получить наибольший выигрыш именно от гибели? Думай как хочешь, сомневайся в гипертрофии истории, вообще отрицай, что верить в историю — это добродетель, во всяком случае это покажет, насколько перспективно и глубоко ты думаешь, думаешь ли вообще: пока что мы хотели бы обсудить вопрос о том, насколько история (т.е., с позволения моих читателей, любые занятия историей) способна также наносить *вред*.

зо [3]

Писать коротко. Писать коротко очень трудно, говорит Винкельман, и удастся это далеко не каждому; когда автор пишет более пространно, его не так легко поймать на слове. Человек, написавший своему корреспонденту: у меня не было времени сделать это письмо короче, знал, чего стоит краткость.

зо [4]

Никакого пафоса. Почти никаких периодов. Никаких вопросов. Мало образов. Все очень сжато. Миролубиво. Без иронии. Без климакса. Подчеркнуть логику, но очень кратко.

зо [5]

Что есть мудрость? В противоположность науке. | Предисловие.

Живо ли теперь стремление к истине? Нет. | Основная часть.

Нужно ли стремление к мудрости, потребность ли это? Нет. Но, может быть, оно станет скоро потребностью?

Когда? Описание.

| Послесловие.

зо [6]

Образование противоречит природе человека.

Что выйдет, если позволить природе развиваться самой, т.е. при сплошь случайных воздействиях: она бы и сформировалась, но *случайно*, в соответствии с безграничным неразумием природы; на бесчисленное количество экземпляров пришелся бы один удачный. В осталь-

ном — бесчисленное число зародышей, погибших либо в борьбе внутренних сил, либо под воздействием извне. Гибель или в результате внутреннего противоречия (по мере укрепления разнонаправленных сил), или извне, от недостатка жизненного пространства и т.д.

Склонность эпохи к ярко выраженным односторонностям, ибо они свидетельствуют еще по крайней мере о жизненной силе природы: повсюду *сила* природы выступает предпосылкой. Ослабленные натуры совсем не стоит учитывать в плане воспитания; они немного значат и в добром, и в злом.

30 [7]

Относительно воспитания важны две максимы: 1) следует как можно скорее распознать силу индивида и затем все направить на то, чтобы обеспечить формирование этой силы за счет всех других, выраженных слабее; 2) следует привлекать *все* имеющиеся в наличии силы и создать между ними гармоническое отношение: слабые, требующие переключения, усилить, сильные, сверхсильные ослабить. Что принять в качестве масштаба? Счастье отдельного человека? Пользу, которую он приносит обществу? Специализированные люди полезнее, гармоничные — счастливее. Тот же вопрос сразу возникает вновь: большое сообщество, государство, народ — должны ли они развивать в себе отдельные специальные силы или многие? В первом случае государство будет способно вынести специальное формирование индивидов лишь постольку, поскольку специальные свойства отвечают *его собственной* цели, т.е. оно будет воспитывать с ориентацией на сильную сторону *часть* индивидов, а в остальных случаях будет ориентироваться не на силу и слабость, а следить за тем, чтобы определенное свойство, каким бы слабым оно изначально ни было, получило все же *развитие*. Если государство желает гармонии, то добиваться этого оно может двумя способами: либо путем гармонического развития всех индивидов, либо путем гармонизации индивидов со специальным развитием. В последнем случае оно будет стремиться к согласованию противоборствующих сил, т.е. удерживать сильные стороны в их исключительности от враждебности друг к другу,

взаимного разрушения, и попытается все объединить общей *целью* (церковь, успехи государства и т.д.).

Последний способ — это *Афины*, первый — *Спарта*. Первый способ значительно труднее и искусственное, в большей степени подвержен вырождению, нуждается в контроле со стороны *врача*.

В наше время все спутанно и неясно. Современное государство становится все более спартанским. Не исключено, что благороднейшие силы иссякнут и отомрут вследствие увядания и переключения. Ибо я замечаю, что именно философия и науки готовят это сами. Они более не оплот, так как лишились своей собственной *цели*; т.е. ни одно сообщество не включает их больше в свою цель. Было бы необходимо основать *культурное государство*, противопоставленное тому лживому, которое теперь так себя называет, чтобы оно стало оплотом культуры.

30 [8]

Счастье единицы в государстве подчиняется общественному благу: что это означает? Речь не о том, что меньшинство используется на благо большинству, а о том, что отдельные люди подчиняются благу *высшей личности*, высшего экземпляра. Высшие индивиды — это творческие люди, будь то лучшие в моральном отношении или полезные в широком смысле, т.е. наиболее чистый тип, усовершенствующий человечество. Не существование государства любой ценой, а возможность для высших экземпляров жить и творить в государстве — вот цель общества. Она лежит и в основе возникновения государств, но только часто мнение о том, кто есть высшие люди, бывало ошибочным: нередко таковым считали завоевателя и т.д. Династии. Если существование государства невозможно больше поддерживать, настолько, что великие индивиды не могут в нем жить, то возникает страшное государство, основанное на нужде и разбое: место *лучших* индивидов занимают *сильнейшие*. Задача государства не в том, чтобы как можно больше людей жило в нем хорошо и нравственно — дело не в количестве, — но в том, чтобы существовала возможность жить доброй и прекрасной жизнью, чтобы оно служило базисом *культуры*. Короче: облагороженное

человечество — вот цель государства, его цель находится вне его, оно само — только *средство*.

Нынче нет начала, способного объединить все частные силы, и потому мы видим всеобщую враждебность, все благородные силы находятся в состоянии взаимной, истощающей их войны на уничтожение. Это следует показать на примере философии: она *разрушает*, потому что ничто не удерживает ее в рамках. Философ сделался существом *вредоносным* для всех. Он уничтожает счастье, добродетель, культуру, наконец и самого себя.

Между тем философия должна быть *союзом объединяющих сил, врачом культуры*.

30 [9]

Начало! Что! Гармоническое развитие! Следует ли того, кто обладает талантом скульптора, насильно принуждать к музыке, как отец Челлини упорно принуждал его играть на рожке и приучал к этому проклятому свисту — — — делать сапожника портным? Зачем нужны общедоступные знания такому человеку! Мы часто путаем *слабую* натуру с гармонической. Гармония скорее всего возникает тогда, когда вся стягивается к одному центру, к одной кардинальной способности, а не когда многочисленные слабые силы устраивают концерт одновременно.

Должен ли эстетический человек быть гармоничным? Он лишен даже и эстетического применения, он лишен глубины. Рафаэль несомненно гармоничен.

30 [10]

Что есть красноречие?

Быть понятным? Но этого хочет и художник, иероглифы, жесты.

Понятно изъясняться словами?

Написанное это слово или произнесенное, на дефицию не влияет.

Но сюда относится и поэзия, и проза. Да, риторика есть и в поэзии, но поэзия не часть риторики.

Но добиться понимания? Это ведь не обращение к одному только рассудку? Нет же ведь риторики в математике.

Словами возбудить деятельность чужого интеллекта и чужой воли?

Но это делает и разгоряченный человек, пьяный.

Делать это благоразумно?

Но так поступает и обманщик, лжец. Можно ли учесть в дефиниции моральность? Отсутствие предписания притворяться.

Делать это с благоразумием художника?

Но это делает и актер, а он ведь не оратор (даже если он играет роль оратора, он все же нечто иное, чем настоящий оратор).

Но цель ведь не эстетическая?

Только средство? Вспомнить об архитектуре.

Посредством слов способствовать с благоразумием художника тому, чтобы кто-либо думал или чувствовал в отношении какого-либо дела так, как это желательно.

Но относится ли «достижение» к дефиниции?

Нет. И когда цель не достигается, риторика все же имеет место.

Оратор старается посредством слов и жестом, с благоразумием художника, заставить тех, к кому он обращается с речью, думать и чувствовать то, что хочет он.

Но не того ли же пытаются достичь с помощью *диалектики*?

Как словами оказывается воздействие на рассудок?

Как на чувство?

Что отличает оратора от человека, говорящего со страстью, от обманщика? От актера?

В сущности, поэт и оратор — одно и то же. Каково позднейшее разделение их?

Искусство ли это, умение ли? Конечно, оратор — это художник. Но самые ранние ораторы, знали ли они об искусстве? Они унаследовали его как живую *практику*.

Важнее всего: выдвижение *темь*.

Затем: членение, рисунок, архитектура.

Затем: орнаментика и т.д.

Оратор в противопоставлении человеку *науки*.

Применение *stratagemata*¹ *диалектики* к *речи*.

1 Зд.: стратегий (от греч. *στρατηγῆματα*).

30 [11]

Подлинная проблема – честность и художественное: подумать о Цицероне и романском принципе декоративности.

30 [12]

Поэтика. Риторика. Древняя философия. Мифология. Государство.

Этика.

30 [13]

Опыт о *греках*.

Государство. Этика. Религия. Философия. Поэтика. Риторика.

30 [14]

Гл. I.

Так называемый всемирный день и уничтожение пессимизма.

Откуда? Нелюди. Произнести слово «философ» у меня язык не поворачивается.

Современные люди молятся на *силу*.

Всюду описание слабости.

Все враждует, так как отсутствует скрепа.

Атомизм.

Гартмана вообще не упоминать.

30 [15]

БЕДСТВОЕ ФИЛОСОФИИ

A. Нужды времени, требования к философу.

1. Спешка.

2. Не строить для вечности (новые дома).

3. Выцветшая религия.

4. Медицинская мораль. Натурализм.

5. Ослабленная логика (историей, естественными науками).

6. Отсутствие воспитателей.

7. Бесплезная и опасная *усложненность* потребностей, обязанностей.

8. Вулканическая почва.
- Б. Нападки на философию.
1. Недоверие со стороны более строгих методов.
 2. История лишает значения системы.
 3. Церковь присвоила популярные эффекты.
 4. Государство требует жить мгновением.
- В. Образ философа.
1. Блеклость — эксцесс мышления не эффективен (Клейст).
 2. Они находят точку, в которой начинается ученый.
 3. Поповский спор.
 4. Древнейшие времена.
 5. Отсутствие великих образцов нравственности.
 6. Всеобщая терпимость по отношению к конфликту между жизнью и мыслью.
 7. Ущербная логика.
 8. Бессмысленное воспитание студентов.
 9. Жизнь философов и их генезис.
- Г. Философия — может ли она быть фундаментом культуры? Да — но теперь уже нет: она слишком утончена и отточена, за нее нельзя больше держаться. Фактически философия позволила втянуть себя в поток нынешнего образования: она над ним больше не господствует. В лучшем случае стала наукой (Тределенбург).
- Образ Шопенгауэра. Противоположность его эвдемонологической практике (умудренность перерзлых эпох, как у испанцев) и его лишь созерцаемой глубинной философии. С двух сторон осуждает он современность. На сегодня я не вижу других возможностей: для практики — житейская умудренность Шопенгауэра, для более глубоких потребностей — мудрость.
- Кто не желает жить с этим противоречием, должен бороться за *усовершенствованную Physis*¹ (культуру).

¹ Природу (от греч. φύσις).

30 [16]

Разве господин Ульрици мудрец? Разве его только и увидишь в свите Мудрости, словно одного из ее любимцев? Нет: к огорчению моему, нет, и ничего не поделаешь, он не мудрец. Ах, как было бы великолепно думать, что у нас, немцев, есть мудрец в Галле, мудрец в Мюнхене и т.д.: и особенно неохотно смотрим мы на то, как ускользает от нас Карьер, изобретатель реал-идеализма и деревянного железа: будь он хотя бы чуть-чуть менее мудр, как охотно признали бы мы его значение. Ибо это ведь позор, что нация не имеет ни одного мудреца, а только пять заведующих мышлением, и что Э. фон Гартман дает нам понять то, что знает сам: в данный момент философов в Германии нет.

30 [17]

Влияние кантовской философии. Клейст.

Наивность древних.

Только если можешь жить как философ, можно сказать, что у тебя есть философия: иначе все только слова (как у Платона, письмо 7).

30 [18]

1. Какое влияние философия оказывает сегодня *на философов*? Они живут так же, как все остальные ученые, даже политики. Шопенгауэр – уже исключение. Они не отличаются какими-либо особыми нравами. Живут ради денег. Пять мыслителей из «Всеобщей Аугсбургской газеты». Всмотримся в жизнь высших экземпляров, Канта и Шопенгауэра – это ли жизнь мудрецов? Остается наука: философы относятся к своему труду как артисты, отсюда у Шопенгауэра тяга к успеху. Быть философом – *удобно*: на них никто не претендует. Первая ночь Диогена. Они занимаются сплошными *arices*¹: Сократ потребовал бы, чтобы философия снова спустилась к людям; популярной философии нет, а если и есть, то очень плохая. Философы обнаруживают все пороки времени, прежде всего торопливость, и строчат без остановки. Они не стесняются учить, даже будучи еще очень молодыми.

1 Вершинами (*лат.*).

Какое влияние философии чувствуется в тех, кого они воспитывают, я имею в виду *образованных* людей? У нас нет хорошей основы для ведения беседы, утонченной этики. Племянник Рамо.

Засилье эстетической точки зрения при рассмотрении величия жизни.

30 [19]

Слово «философия» в применении к немецким ученым и писателям доставляет мне в настоящий момент затруднения и кажется мне неподходящим. Я хотел бы его избежать и говорить пока что по-немецки без обиняков, только о хозяйстве мысли. Хочу рассказать, как я пришел к этому заключению.

30 [20]

Я настолько нескромен, что решаюсь говорить с «народом мыслителей» о немецком хозяйстве мысли (чтобы не говорить о философии). Где живет этот народ? — спросит иностранец. Там, где проживают пятеро мыслителей, на которых, как на воплощение современной немецкой философии, недавно было публично обращено всеобщее внимание: Ульрици, Фрошаммер, Губер, Карьер, Фихте. Что касается последнего, то о нем не составляет труда сказать нечто хорошее, так поступил даже злой гений Бюхнер: «Согласно господину Фихте-младшему, все люди с рождения имеют сопровождающего их духа, только у господина Фихте его нет». Но относительно остальных четырех мужей этот фанатический друг всего материального согласился бы со мной, что в них фосфоресцирует нечто, что в господине Фихте не фосфоресцирует. Итак: у одного нет духа, а четверо остальных фосфоресцируют, все вместе, оптом: все пятеро занимаются философией или, говоря на хорошем немецком, хозяйством мысли. На них и призывают обратить внимание за границу, чтобы убедиться, насколько мы, немцы, все еще народ мыслителей. С полным основанием Э. фон Гартман рядом с ними назван не был: ибо он действительно обладает тем, что так хотел бы иметь младший Фихте, более того, при помощи этого нечто ему с успехом и весьма неподобающим образом уда-

ется водить за нос немцев, народ тех самых пяти мыслителей. Из чего можно заключить, что в народ мыслителей он больше не верит и, вероятно, — что еще хуже — не верит даже и в пятерых хозяйственников мысли. Однако к сонму святых причисляется нынче лишь тот, кто в них верит: вот почему имени Гартмана нет среди имен знаменитых людей германского рейха. Ведь у него есть дух, а «царством» владеют сегодня только нищие духом.

30 [21]

Профессора философии не развивают больше у своих учеников навыки мышления и даже умение вести дискуссию. Логика, как ее преподают, совершенно бесполезна. Да и учителя слишком молоды, чтобы научить чему-то большему, чем стандартные приемы научной работы. Так могут ли они быть воспитателями, вести к истине?

30 [22]

Добродетель, старомодное слово. Достаточно только подумать о молодых гимназических учителях, как бы они выглядели, если бы захотели выступать в роли наставников в вопросах морали.

30 [23]

С науками дело обстоит как с деревьями: удержаться можно только за крепкий ствол: за верхние ветки нельзя, тогда падаешь и к тому же ломаешь ветви. Так и с теорией познания.

30 [24]

Какая вдумчивость, какое знание души отличает времена Дидро и Фридриха Великого! Даже Минна фон Барнхельм, сплошь выстроенная на языке французского светского общества, кажется сегодня слишком утонченной. Мы — грубые натуралисты.

Я хотел бы, чтобы кто-нибудь показал, насколько целиком и полностью мы с нашим прославлением этического натурализма стали иезуитами. Мы любим естественное как эстетика, не как этики: но этиков у нас и не существует. Достаточно вспомнить о Шлейермахере.

30 [25]

Самое важное в мудрости то, что она удерживает людей от признания над собой власти момента. Потому она вне времени: ее цель укрепить человека, чтобы он любые удары судьбы умел выносить с одинаковой стойкостью, вооружить его для противостояния любому времени.

30 [26]

По сравнению с древними Монтень также этический натуралист, хотя безгранично богатый и мыслящий. Мы — натуралисты бездумные, причем об этом прекрасно знаем.

30 [27]

Симпатия к древности — прямо-таки страсть современности. Какой абсурд, что эволюционное учение принимается даже религией! Радость заключается в том, что нет ничего прочного, ничего вечного и нерушимого.

30 [28]

Отсутствие этических *знаменитостей*; решительно никакой готовности к их признанию. Теория силы, напротив, является повсюду как призрак. Пример: один говорит, что Гегель плохой стилист; другой — но он богат оригинальными и народными выражениями. Но это же относится только к материалу, искусство стилиста проявляется не в том, что у него имеется красивый мрамор, а в том, как он его обрабатывает. Так же и в этике.

30 [29]

Философы всегда стремились к безмятежности духа — сегодня они стремятся к состоянию абсолютно беспокойному: человек всецело растворяется в своей должности, в своем занятии. Тирании прессы не потерпит ни один философ. У Гёте в доме разрешалось держать только еженедельники и брошюры.

30 [30]

Существует искусство отстранять от себя вещи одними только словами и именами, которые им дают: ино-

странное слово нередко делает для нас чужим то, что мы очень хорошо знаем как нечто близкое. Если я говорю о мудрости и любви к мудрости, то я, конечно, ощущаю, что речь идет о чем-то более родном, более волнующем, чем если я скажу – «философия»: но, как сказано, нередко это именно искусство – не подпускать вещи к себе слишком близко. Ведь как часто в словах родного языка звучит что-то постыдное. Ибо кто же не устыдится назвать себя мудрецом или даже только начинающим мудрецом! А философом? Это каждый произносит с большой легкостью, с той же, с какой каждый носит титул доктора, ничуть не задумываясь о том, что он содержит в себе трудное обязательство думать, быть учителем. Предположим, что иностранное слово «философ» внушено стыдом и скромностью: или верно, быть может, что ни о никакой любви к мудрости тут нет и речи, и иностранное название, так же как и слово «доктор», призвано лишь прикрывать отсутствие содержания, пустоту понятия? Временами бывает чрезвычайно трудно доказать существование какой-либо вещи: так она переплетена с другими, извращена, спрятана, разбавлена и ослаблена, тогда как имена постоянны и соблазнительны настоячивы. Является ли то, что нынче именуется философией, действительно любовью к истине? И остались ли теперь вообще истинные друзья мудрости? Заменим же, не робея, слово «философия» словами любовь к истине, и посмотрим, совпадают ли они.

30 [31]

Незнание Плутарха. Монтень выше, чем он. Самый влиятельный автор (по Смайлу). Возможен ли вообще новый Плутарх? Ведь все мы живем в лишенной стиля атмосфере натуралистической нравственности; фигуры античности часто кажутся нам декламациями.

30 [32]

Христианство достигло более высоких форм, но широкие массы возвратились к низшей ступени. Теперь очень трудно вернуться к простоте древних.

30 [33]

Иезуиты ослабили и смягчили претензии христианства для того, чтобы утвердить и свою власть. Протестантизм начал с объявления *adiaphora* в широчайших массах.

30 [34]

Грациан обнаруживает такую мудрость и ум в сфере житейского опыта, с которыми сегодня ничто не может сравниться. Мы умеем брать действительность под микроскоп, наши романисты умеют видеть (Бальзак, Диккенс), но только требовать и объяснять не умеет никто.

30 [35]

Склонность наших философов к музыке есть в то же время бегство от очевидностей этики. Там не существует больше ни требований, ни гения доброты, ни трансцендентного сострадания. Когда возможность оправдания переносится в сущность, античные системы морали лишаются смысла.

30 [36]

Философы стремятся избежать влияния науки: она их гонит. Видно, в чем ее слабость. Она больше не движется вперед, потому что она сама всего лишь наука, она постепенно становится всего лишь пограничной службой.

30 [37]

- 24 Введение
- 8 Внутренний мир.
- 8 Объективность.
- 8 Гартман.
- 8 Противоядия.

—
56

30 [38]

Набросок *«Несвоевременных размышлений»*.

1. Образованный филистер.
2. История.
3. Философ.

4. Ученый.
5. Искусство.
6. Учитель.
7. Религия.
8. Государство. Война. Нация.
9. Пресса.
10. Естествознание.
11. Народ. Общество.
12. Сношения.
13. Язык.

31. Осень 1873 — зима 1873—1874

31 [1]

Утро минуло, и полдень
Жарко голову печет.
Мы устроимся в беседке,
Воспоем мы нашу дружбу,
Что была зарею жизни
И зарей вечерней станет.
В полдень же она лишь песнь.
Разве утреннее небо
Обещало нам так мало — — —

31 [2]

Перикл говорит об афинских праздниках, о красивом и дорогом убранстве дома, вид которого прогоняет мрачных духов. Мы, немцы, очень страдаем от этих мрачных духов. Шиллер надеялся, что обращение к красоте и величию, эстетическое воспитание повлечет за собой и моральное возвышение. Вагнер, напротив, надеется, что моральные силы немцев обратятся, наконец, к искусству, чтобы и здесь обрести серьезность и достоинство. Искусство он воспринимает так строго и серьезно, как только возможно, тем самым надеясь пережить чувство радости. У нас все искажено и неестественно; людям, которые хотят посредством искусства доставить нам радость, мы создаем величайшие трудности, требуя от них моральной гениальности и величия характера. Поскольку формирование талантливейших художников затруднено и им приходится все силы тратить на борьбу, мы, нехудожники, стали, наоборот, чрезвычайно небрежными во всем, что касается моральных требований к самим себе; жизненные принципы и воззрения диктуются соображениями удобства. Легко относясь к жизни, мы теряем истинную потребность в искусстве. Когда жизнь, как это было в Афинах, но-

сит в своем лоне долг, призыв, деяние, усилие, то люди умеют чтить и искусство, праздники и вообще образование, чтить и жаждать того, чтобы они давали радость. Вот почему моральная слабость немцев и есть главная причина того, что у них нет культуры. Правда, они исключительно работоспособны, все делают быстро, наследственное трудолюбие проявляется почти что как сила природы. В чем и обнаруживает себя их моральная слабость!

31 [3]

Склонность нашего времени к одностороннему развитию объясняется тем, что хотя бы отдельные стороны еще свидетельствуют о жизненной силе: прежде чем что-либо создать, нужно приложить силу. Если налицо слабость, то все усилия направлены на сохранение существующего любой ценой. Как у чахоточного, который жаждет жизни и каждое мгновение думает о здоровье, т.е. о самосохранении. Если в какую-либо эпоху таких натур много, то она начинает в конце концов чтить силу, даже грубую и враждебную, например Наполеон в виде желтого здорового тигра в письме *Марвица*.

31 [4]

Кто знаком с античной моралью, будет удивлен, сколь многое из того, что воспринимается теперь с медицинской точки зрения, воспринималось тогда с моральной, как много болезней души, ума тогда препоручалось для лечения философу, а теперь врачу — как для успокоения нервов применяются теперь щелочные растворы и наркотики. Древние были намного умереннее, сознательно умереннее в своей повседневной жизни; они умели воздерживаться и во многом себе отказывать, чтобы не потерять власть над собой. Их слова о морали всегда опираются на примеры тех, кто жил так, как говорят эти слова. Я не понимаю, о каких далеких и редких вещах ведут речь современные этики. Они рассматривают человека как странное спиритуалистическое существо, они считают недостойным обходиться с человеком с античной откровенностью и говорить о многочисленных нужных ему, хотя и низких потребностях. Стыдливость заходит столь далеко, что можно поду-

мать, будто у современного человека только видимость тела. Я думаю, что вегетарианцы с их предписанием употреблять менее обильную и более простую пищу принесли больше пользы, чем новейшие моральные учения вместе взятые – пусть это и некоторое преувеличение. Нет никаких сомнений, что воспитатели будущего снова пропишут человеку более строгую диету. Считается, что воздух, солнце, хорошее жилище, путешествия, а также медицинские лекарства и яды принесут современному человеку здоровье. Но все, что дается человеку с трудом, ему больше не рекомендуется. Максима заключается в том, чтобы быть и больным, и здоровым наименее приятным способом. Но это ведь и есть продленная *маленькая* неумеренность, т.е. недостаток самодисциплины, который проявляется в конечном счете как всеобщая спешка и *impotentia*¹.

31 [5]

Некоторые вещи обретаю прочность только после того, как становятся слабыми: до тех пор они подвержены опасности внезапной и насильственной гибели. В старости здоровье становится все здоровее. Христианство, напр., защищают сегодня так усердно и будут защищать еще долгое время потому, что оно стало самой удобной религией. Теперь, после того, как оно перетянуло на свою сторону самую прочную вещь на свете – человеческую лень и тягу к удобству, у него появилась перспектива стать чуть ли не непреходящим. Так и философия именно сегодня получила самую высокую оценку и имеет наиболее многочисленных представителей: она больше не мучает людей, многих даже развлекает, и каждому позволено раскрывать рот и болтать сколько вздумается, не подвергаясь никакой опасности. Вещи сильные, насыщенные страстью, подвергаются опасности, могут внезапно погибнуть, надломиться и попасть под удар молнии. Удар случается с полнокровными. Наши нынешние философы уж точно умрут не от удара. С тех пор как философия стала исторической дисциплиной, она сделалась безвредной и тем обеспечила себе бессмертие.

1 Бессилие (*лат.*).

31 [6]

[+ + +] в то время как философ, сознательный представитель этого союза, более не находит признания, не заслуживает веры, но считается лжецом, тем, кто обещает слишком многое. 3) самое строгое из направлений философии готово превратиться в релятивистскую систему, подобную *πάντων μέτρων ἄνθρωπος*¹. Тем самым с нею покончено: ибо нет ничего более невыносимого, чем такие стражи границы, не знающие ничего, кроме «здесь дальше нельзя», «туда вход воспрещен», «этот заблудился», «мы ничего не знаем с абсолютной достоверностью» и т.д. Эта почва абсолютно неплодородна. Так с этим покончено? Император Август совсем маленьким мальчиком повелел лягушкам вокруг загородного дома замолчать, так как они своим кваканьем нарушали его покой; с этого момента они умолкли, как сообщает Светоний.

31 [7]

Если бы нынешние философы мечтали о своем поле, то это, наверное, был бы не Платонополис, но Агрогополис (город бездельников).

31 [8]

К характеристике эпохи.

В отношении религии я замечаю утомление, люди наконец устали от значащих символов. Все возможности христианской жизни, самые строгие и самые легкие, безобидные и бездумные, самые сознательные, опробованы, пришло время изобрести нечто новое. Может быть, придется снова и снова включаться в старый круговорот. Правда, выплыть из водоворота непросто, после того как он крутил нас несколько тысячелетий. Даже насмешка, цинизм, враждебность по отношению к христианству себя исчерпали; мы видим ледяное поле в момент оттепели, лед повсюду растрескался, покрыт грязью, не блестит, на нем лужи, он опасен. Здесь уместно, мне кажется, осторожное воздержание. Так я оказываю почтение религии, пусть

¹ «Человек — мера всех вещей» (*греч.*) (изречение, приписываемое греческому философу Протагору).

и умирающей. Наше дело — смягчать и успокаивать, как в случае с тяжелыми, безнадежными больными; протестовать следует только против плохих, недумающих, пускающих пыль в глаза врачей (каковы в большинстве ученые).

Христианство скоро созреет для критической истории, т.е. для казни.

31 [9]

Следует обратить внимание на то, что огромное количество философии уже усвоено, люди уже пресытились ею. Чего только из области прикладной философии не содержит каждая беседа, каждая модная книга, каждая наука! В каком огромном количестве поступков проявляется, что нынешний человек получил в наследство бесконечно много философии. О такой наследуемой философии свидетельствуют уже гомеровские герои. Я думаю, человечество не перестанет философствовать даже если никто не будет занимать кафедры. Чего только не заглотнула в себя теология! Думаю, всю этику. Такое мировоззрение, как христианство, должно постепенно принять в себя все этические учения, бороться с ними, привлекать их к себе, вступать в спор — даже уничтожать, когда они становятся сильнее и устойчивее.

31 [10]

Я думаю о первой ночи Диогена. Вся античная философия была направлена на упрощение жизни и учила известной свободе от потребностей: нет сильнее целебного средства от любых социальных переворотов. В этом смысле немногочисленные философские вегетарианцы сделали для человечества больше, чем все новейшие учения; и до тех пор, пока философы не найдут в себе мужество искать совсем иной строй жизни и продемонстрировать его своим примером, они ничего не стоят.

31 [11]

С науками, как с деревьями, удержаться можно только за крепкий ствол и нижние ветви, но не за крайние и верхние; иначе свалишься вниз, да еще и ветки обломашь. Так и с философией: горе юношам, которые жмутся к своим оракулам!

Примечания

Текстологические знаки

— означает одно нечитаемое слово,

-- два нечитаемых слова,

--- незаконченное предложение,

[...] пропуск в рукописи.

Слова, подчеркнутые Ницше одной чертой, переданы курсивным шрифтом, подчеркнутые двумя или более чем двумя чертами, — полужирным.

Примечания Д. Колли и М. Монтинари, в которых в основном даются ссылки на другие работы Ницше и указываются цитируемые им источники, дополнены примечаниями словарно-культурологического характера, подготовленными А.А. Карельским.

Переводы иноязычных (в основном латинских и греческих) выражений и цитат на предшествующих страниц выполнены А.Г. Жаворонковым и А.А. Карельским.

Список сокращений, принятых в примечаниях

РТ — «Рождение трагедии».

ДШ — «Давид Штраус в качестве исповедника и писателя».

ПВИ — «О пользе и вреде истории для жизни».

ШКВ — Шопенгауэр как воспитатель».

30. Осень 1873 — зима 1873—1874

Из тетради У II 3

- 30 [2] ...жизнь, которая представляет собой не знающий завершения *Imperfectum*... — см. прим. к 29[98].
Следующие двадцать будут лучше, скажут они... — см. прим. к 29 [86].
- 30 [15] Ср. 29 [197], 29 [198], 35 [5].
Племянник Рамо — диалог Дени Дидро, переведенный на немецкий язык Гёте.
- 30 [24] *Минна фон Барнхельм* — комедия Эфраима Лессинга.
- 30 [33] *Протестантизм начал с объявления адипнога в шифочайших массах* — см. прим. к 29 [206].

31. Осень 1873 — зима 1873–1874

Из тетради Мр XIII 5

31 [6] *πάντων μέτρων ἄνθρωπος* — изречение, приписываемое греческому философу Протагору.